

Кеннан Джордж

Сибирь и ссылка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джордж К.**
Сибирь и ссылка / Кеннан Джордж – М.: Книга по Требованию, 2024. – 458 с.

ISBN 978-5-519-88854-7

ISBN 978-5-519-88854-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вовсе не такая страшная страна, какъ воображали американцы. а что, напротивъ, изображеніе рудниковъ, гдѣ работаютъ ссыльно-каторжные, и тюрьмы, находящееся въ сочиненіи священника Генриха Ланселля, вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Нигилистовъ, террористовъ и т. д. я считалъ за неразумныхъ, закоренѣлыхъ фанатиковъ на анархистской подкладкѣ, а съ людьми этого пошиба мы въ Соединенныхъ Штатахъ въ то время какъ разъ сдѣлали не очень пріятное знакомство. Короче говоря, я былъ вполне на сторонѣ правительства и рѣшительнымъ противникомъ русскихъ революціонеровъ. Я дѣлаю особое удареніе на этомъ обстоятельстве, не потому, что мое мнѣніе имѣло особое значеніе, но потому, что опѣнку какого-нибудь изслѣдованія можно произвести только тогда правильно, когда читателю хорошо извѣстны склонности и предубѣжденія самого изслѣдователя. Кромѣ того, на мои симпатіи къ русскому правительству, которыя я питалъ въ то время, считаю долгомъ обратить потому особое вниманіе, что онѣ объясняютъ дружелюбное отношеніе ко мнѣ властей въ теченіе всего моего пребыванія въ Сибири, полученіе мною позволенія осматривать рудники и тюрьмы и тѣ незначительныя и рѣдкія препятствія, которыя власти полагали мнѣ на пути достиженія моихъ намѣреній, даже тогда, когда мои сношенія возбуждали вполне справедливо и основательно подозрѣніе мѣстныхъ сибирскихъ властей.

Сомнительно, дали-ли бы позволеніе путешественнику, который еще раньше не заявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ существующей правительственной системы и который хотѣлъ-бы изучить пересыльное дѣло, пуститься по Сибири, и еще болѣе сомнительно, не рѣшились-ли бы власти причинить такому путешественнику серьезныя непріятности, если-бы онѣ открыли, въ какихъ интимныхъ отношеніяхъ этотъ путешественникъ стоитъ къ выдающимся политическимъ преступникамъ. Только письмо русскаго министра внутреннихъ дѣлъ обезпечивало меня при частыхъ столкновеніяхъ съ мѣстной полиціей или подозрительными чиновниками разныхъ вѣдомствъ въ отдаленныхъ сибирь-

скихъ деревушкахъ отъ опасности быть арестованнымъ, результатомъ чего была-бы немедленная конфискація моихъ замѣтокъ и документовъ и высылка подъ эскортомъ изъ предѣловъ царства. Письмо это, мой якорь спасенія въ нуждѣ и опасности, никогда не попало-бы въ мои руки, если-бы я не былъ извѣстенъ, какъ защитникъ русскаго правительства противъ его многочисленныхъ враговъ, или если-бы послѣднее не поддалось предположенію, что личное самолюбіе и желаніе показать себя послѣдовательнымъ помѣшаютъ мнѣ сознаться въ моей ошибкѣ, если-бы состояніе тюремнаго и пересыльнаго дѣла было даже гораздо хуже, чѣмъ я ожидалъ. Насколько это предположеніе было основательно и насколько мои предубѣжденія соотвѣтствовали дѣйствительному положенію вещей, лучше всего покажетъ мой трудъ.

Прежде чѣмъ закончить предисловіе, я долженъ высказать моимъ многочисленнымъ друзьямъ, знакомымъ и покровителямъ въ Россіи и Сибири, которые ободряли меня, помогали моимъ розыскамъ и доставили драгоценный матеріалъ для моего сочиненія, мою глубокую, сердечную признательность. Одни изъ нихъ—политическіе ссыльные, рискнувшіе всею своимъ будущимъ (!), которое еще ихъ ожидаетъ, чтобы только доставить мнѣ свѣдѣнія объ ихъ житьѣ-бытьѣ; другіе—офицеры пересыльнаго вѣдомства, которые довѣрились моей чести и сообщили безъ утайки результаты своей долготѣней опытности. Были между ними честные, гуманные тюремные смотрители, которымъ надоели безконечныя и безплодныя жалобы на дурное состояніе мѣстъ заключенія, и которые хотѣли сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы обратить вниманіе правительства и всего свѣта на царящее въ тюремномъ дѣлѣ зло.

Большую частью я обязался не называть этихъ людей по имени. Хотя заслуги и характеръ этихъ людей даютъ имъ полное право на то, чтобы не быть забытыми потомствомъ, но, къ несчастью, они живутъ въ странѣ, правительство которой считаетъ всякое честное, открытое мнѣніе доказательствомъ „неблагонадежности“, а стремленіе ихъ улучшить или исправить какое-

нибудь ненормальное явленіе наказываетъ, какъ преступленіе. Упомянуть ихъ имена значило-бы предать ихъ на жертву ярости правительства и отнять у нихъ даже ту ограниченную возможность дѣлать добро, которой они обладаютъ. Только тѣмъ я могу выразить имъ мою признательность за ихъ довѣріе, доброту и помощь, что я воспользуюсь, согласно ихъ желанію, полученными свѣдѣніями въ интересахъ гуманности, свободы и добраго, разумнаго управленія. Къ Россіи и русскому народу я питаю самыя глубокія симпатіи; если-бы мнѣ удалось посредствомъ правдиваго, непреувеличеннаго изложенія результатовъ моего изслѣдованія ближе познакомить весь свѣтъ съ этой страной и ея обитателями, если-бы мнѣ удалось хоть немного облегчить страшную участь тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ „до Бога высоко, до царя далеко“, это было-бы для меня самой лучшей наградой за то полное лишеніи путешествіе и тѣ самыя страшныя открытія, которыя я когда-либо въ жизни сдѣлалъ.

Д. Кеннанъ.

I.

Черезъ русскую границу.

Сибирская экспедиція, снаряженная издателемъ журнала „Century Magazine“, отправилась 2-го мая 1885 года изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль. Она состояла изъ двухъ участниковъ: бостонскаго художника Георга А. Фроста и автора этихъ очерковъ. Мы оба говорили по-русски, оба уже бывали въ Сибири; я посѣщалъ уже въ четвертый разъ владѣнія русскаго царя. Мое знакомство съ г. Фростомъ относится еще ко времени нашей совмѣстной службы въ русско-американскомъ телеграфномъ обществѣ. Продолжительное пребываніе на сѣверѣ Азіи подготовило насъ къ трудностямъ и лишеніямъ, сопряженнымъ съ поѣздкой по Сибири.

Составленный нами планъ дѣйствія получилъ полное одобреніе издателя „Century Magazine“, который выдалъ намъ полномочіе. Неограниченныя средства и полнѣйшая свобода дѣйствій въ выборѣ пути, времени и т. д. подавали надежду на полный успѣхъ предпріятія, хотя мы отлично сознавали всю трудность взятаго нами на себя дѣла.

Въ воскресенье, 10-го мая, мы достигли Лондона, гдѣ пробыли до среды, 13-го мая. Изъ Лондона мы пустились дальше и черезъ Доверъ, Остенде, Кельнъ, Ганноверъ, Берлинъ и Эйткуненъ прибыли въ С.-Петербургъ. По случаю поздняго времени года намъ было чрезвычайно важно достигнуть какъ можно скорѣе Сибири, чтобы воспользоваться еще лѣтней погодой и

удобными дорогами. Поэтому я рѣшилъ остаться въ С.-Петербургѣ только на пять дней, но на наше горе въ это время начался цѣлый рядъ церковныхъ праздниковъ, и изъ десяти дней нашего пребыванія въ столицѣ царя, мы воспользовались лишь четырьмя, чтобы покончить наши дѣла.

Какъ только мнѣ удалось добиться аудіенціи у г. Влангали, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, я передалъ ему рекомендательныя письма и высказалъ ему открыто мои намѣренія. Я говорилъ, что ссылка на каторжныя работы была до сихъ поръ выставляема въ самомъ дурномъ свѣтѣ предубѣжденными писателями, что правдивое изображеніе страны, тюремъ и каторги можетъ принести только пользу правительству, и что я, послѣ того какъ самъ защищалъ правительство, изъ опасенія прослыть лгуномъ, не могу публиковать фактовъ, опровергающихъ мои прежнія утвержденія. Слова эти, которыя выражали только мое глубокое убѣжденіе, произвели, повидимому, благопріятное впечатлѣніе на товарища министра. Пробесѣдовавъ со мною минутъ двадцать, онъ меня отпустилъ, увѣряя, что позволеніе отправиться въ Сибирь я получу во всякомъ случаѣ, и что онъ письменно сообщитъ губернаторамъ тѣхъ губерній, которыя мнѣ придется проѣзжать, о цѣли нашей поѣздки, для того чтобы мы могли безпрепятственно продолжать нашъ путь; кромѣ того, что главнѣе всего, онъ обѣщалъ намъ доставить рекомендацію отъ министра внутреннихъ дѣлъ. На мой вопросъ, дастъ ли эта рекомендація намъ возможность посѣщать тюрьмы, г. Влангали отвѣчалъ отрицательно, такъ какъ это зависитъ всегда отъ мѣстныхъ губернаторовъ. Но на вопросъ, позволяютъ ли эти послѣдніе посѣщеніе мѣстъ заключенія, онъ отвѣтилъ уклончиво.

Изъ этого я заключилъ, что правительство не желаетъ снабдить насъ неограниченными полномочіями, а хочетъ держать насъ подъ извѣстнаго рода благосклоннымъ контролемъ, и, только судя по тому, найдетъ ли оно удобнымъ посѣщеніе того или другого тюремнаго замка, допускать эти посѣщенія. Хотя я и пред-

видѣлъ въ будущемъ много затрудненій, но считалъ неблагоразумнымъ добиваться дальнѣйшихъ уступокъ и, поблагодаривъ г. Влангали за радушный пріемъ, удалился. Нѣсколько дней спустя, я получилъ обѣщанныя рекомендательныя письма. Еще раньше г. Влангали выразилъ желаніе, чтобы я на пути въ Сибирь поговорилъ съ знаменитымъ редакторомъ-издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковымъ. Я получилъ кромѣ вышеуказанныхъ писемъ, поэтому, еще одно запечатанное письмо къ директору архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, барону Бюлеру, который долженъ былъ представить меня Каткову. Жизнь и дѣятельность великаго защитника царскаго самодержавія были мнѣ хорошо извѣстны, и мысль познакомиться съ этимъ выдающимся публицистомъ была мнѣ пріятна, хотя, кажется, я угадалъ, какіе мотивы руководили Влангали, когда онъ выразилъ желаніе, чтобы я повидался съ Катковымъ. Именно, выдающаяся личность русскаго писателя должна была еще болѣе укрѣпить мое мнѣніе о русскомъ правительствѣ, такъ какъ возможно было ожидать, что русскіе революціонеры, которыхъ я могъ въ Сибири встрѣтить, откроютъ мнѣ глаза на настоящее положеніе дѣлъ. Но эта предосторожность была въ то время совершенно излишня, такъ какъ мое мнѣніе о русскіихъ революціонерахъ было вполне по сердцу русскимъ властямъ.

Я не могу упрекнуть себя въ неоткровенности или двоедушіи по отношенію къ русскому правительству и позволенія ѣхать въ Сибирь я добился не обманомъ или ложными увѣреніями. Не потому разнится теперь мое мнѣніе отъ того, которое я высказалъ г. Влангали въ 1885 г., что я былъ не откровененъ съ нимъ, но только потому, что ужасающіе факты измѣнили самымъ кореннымъ образомъ мои когда-то столь твердые взгляды на этотъ предметъ.

Послѣ того какъ мы запаслись приборомъ для фотографическихъ снимковъ и достали около пятидесяти рекомендацій къ учителямъ, горнымъ инженерамъ и чиновникамъ въ разныхъ частяхъ Сибири, мы выѣхали послѣ обѣда 31-го мая изъ С.-Петербурга въ Москву.

Русская столица отстоитъ отъ границъ Сибири приблизительно на 1600 миль (2570 километровъ). Какъ путешественники, такъ и партіи ссыльно-каторжныхъ пользуются одной и той же дорогой, которая ведетъ черезъ Москву, Нижній-Новгородъ, Казань, Пермь и Екатеринбургъ. Русская желѣзнодорожная сѣть оканчивается въ восточномъ направленіи у Нижняго-Новгорода, но лѣтомъ пароходное сообщеніе по Волгѣ и Камѣ связываетъ Нижній съ Пермью. Совершенно изолированная желѣзнодорожная линія въ 180 миль длиной, которая перерѣзываетъ Уральскій хребетъ и соединяетъ бассейны Волги и Оби, ведетъ изъ Перми въ Екатеринбургъ *).

По пріѣздѣ въ Москву мы посѣтили барона Бюлера, которому передали запечатанное письмо. Я отправился вмѣстѣ съ барономъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ намъ къ нашему сожалѣнію сообщили, что Катковъ на двѣ-три недѣли уѣхалъ изъ Москвы. Такъ какъ мы не могли ожидать, пока онъ возвратится, то, не удерживаемые болѣе ничѣмъ, мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Нижній-Новгородъ, куда прибыли въ четвергъ утромъ, 4-го іюня.

Путешественникъ, который въ первый разъ видитъ Нижній, бываетъ пораженъ, даже испуганъ при видѣ города. Чистыя, хорошо вымощенныя улицы, длинные ряды массивныхъ зданій, бульваръ, усаженный тѣнистыми березами и тополями, каналъ съ граціозными, легкими мостами, переброшенными въ извѣстныхъ промежуткахъ, живописныя башни, величественный Александро-Невскій соборъ, биржа, театры, отели, базарныя площади—все это, повидимому, указываетъ на оживленіе въ многочисленномъ и торговомъ городѣ,—но нигдѣ не видно живой души, весь городъ какъ будто вымеръ; въ пустыхъ улицахъ растетъ трава, въ деревьяхъ, окаймляющихъ тѣнистый бульваръ, распѣваютъ птицы; безчисленныя лавки и торговые

*) Во время нашего пребыванія въ Сибири была закончена желѣзнодорожная линія до Тюмени, такъ что С.-Петербургъ былъ связанъ съ Семипалатинскомъ и Томскомъ какъ сухимъ, такъ и воднымъ путемъ.

дома закрыты, колокольный звонъ не нарушаетъ тишины... Пораженный путникъ можетъ долго искать присутствія живаго существа. Если такой путникъ вспомнить, что Нижній-Новгородъ знаменитъ своей ярмаркой, то онъ тогда сдѣлаетъ заключеніе, что эта вымершая часть города и есть какъ-разъ центръ Макарьевского торжища. Трудно удержаться отъ изумленія, когда подумаешь, что этотъ городъ живетъ только для одной проходящей цѣли, а въ остальное время кажется вымершимъ, и это въ теченіе трехъ четвертей года.

Нижній-Новгородъ дѣлится на двѣ части, Старый городъ и Торговую сторону. Первая лежитъ на правомъ, крутомъ берегу Оки, поднимающемся въ видѣ террасы на 400 футовъ надъ поверхностью рѣки. Ярмарочная часть лежитъ на низкомъ полуостровѣ, образуемомъ обѣими рѣками Окой и Волгой, немного выше ихъ соединенія. Торговая сторона походитъ на огромный караванъ-сарай, гдѣ ежегодно полмилліона купцовъ закупаютъ и продаютъ товары. Въ сентябрѣ народонаселеніе Нижняго достигаетъ почтенной для Россіи цифры 100.000 человекъ, а цѣнность скопленныхъ на ярмаркѣ товаровъ достигаетъ 75.000.000 долларовъ (175.000.000 рублей). Въ январѣ же, февралѣ и мартѣ все населеніе можетъ помѣститься въ самой маленькой мѣстной гостинницѣ, а всѣ находящіеся въ городѣ налицо товары въ одномъ изъ безчисленныхъ магазиновъ. Такимъ образомъ, въ этомъ городѣ господствуетъ родъ перемежающейся лихорадки, и ежегодно за пароксизмомъ напряженной, горячей дѣятельности слѣдуетъ долгій періодъ тишины и оцѣпенія.

Невѣроятнымъ можетъ показаться тотъ фактъ, что городъ такихъ значительныхъ размѣровъ, съ театрами, торговыми площадями, банками, гостинницами, биржей, 7000 лавокъ и столькими-же жилыми домами служить для временныхъ нуждъ, а по минованіи таковыхъ, немедленно пустѣетъ. Когда я увидѣлъ этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ зимой 1868 г., въ ясную морозную ночь, то онъ представлялъ собой

картину необыкновенно печальную. Мѣсяць освѣщалъ пустынные, покрытыя снѣгомъ улицы и проливалъ цѣлое море мягкаго свѣта на бѣлыя стѣны и куполы стараго собора; въ этомъ нѣжномъ свѣтѣ навѣянные снѣжные сугробы и покрытыя снѣгомъ крыши переливали милліонами искръ. Казалось, что городъ вымеръ, и духи предали его на жертву полярной пустынности и льду.

Осенью 1870 г. я едва узналъ этотъ городъ. Это было во время Макарьевской ярмарки. Цѣлый лѣсъ мачтъ окружалъ торговую часть Нижняго; безпрестанно раздавались пронзительные свистки пароходовъ въ душной и пыльной атмосферѣ. Въ лавкахъ и на берегу было навалено болѣе чѣмъ на 125 милліоновъ рублей товара; всѣ дома были биткомъ набиты; ежедневно до 60.000 человекъ переправлялось по наводному мосту изъ Ярмарочной части въ Старый городъ. На бульварѣ, передъ домомъ губернатора, оркестръ военной музыки игралъ мотивы изъ Оффенбаховскихъ оперетокъ, массы занятыхъ людей сновали по возставшимъ отъ долгаго сна улицамъ.

Лишь въ іюнѣ 1885 года пришлось мнѣ увидать вновь своего стараго знакома. Я его нашелъ такъ-же пустыннымъ, какъ и во время моего перваго посѣщенія, а въ прочихъ отношеніяхъ сильно измѣнившимся, и къ лучшему. Въмѣсто длинныхъ рядовъ деревянныхъ лавокъ возвышались массивные торговые ряды изъ кирпича; многія улицы были вымощены вновь, число складовъ значительно увеличилось, а на нижней части полуострова былъ выстроенъ громадный Александро-Невскій соборъ, самая выдающаяся постройка въ Ярмарочной части.

Опасенія, что съ постепеннымъ развитіемъ русской желѣзнодорожной сѣти Макарьевская ярмарка будетъ все болѣе и болѣе терять свое значеніе, не оправдались. Съ 1868 до 1881 г. цѣнность ежегодно привозимыхъ товаровъ съ 120 милліоновъ руб. достигла 246 милліоновъ, а число торговыхъ помѣщеній увеличилось съ 5738 до 6298. Ежегодный оборотъ ярмарки теперь достигаетъ въ теченіе только двухъ мѣсяцевъ 225 мил-